

Ксения Никонова

Я И МОЙ КОРОЛЬ
Я И МОЙ КОРОЛЬ. ШАГ ЗА ГОРИЗОНТ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Ксения Никонова

Я и мой король.
Шаг за горизонт

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2016
 SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н63

Серия основана в 2011 году
Выпуск 218

Художник
Е. Никольская

Никонова К. С.

Н63 Я и мой король. Шаг за горизонт: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 441 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2248-7

Когда в жизни есть все, кроме счастья, значит, пора ее круто менять! Уехать в другой мир, найти старую любовь, примерить королевскую корону... потерять работу, семью и друзей. Обрести могущественных врагов, мечтающих избавиться от настырной чужеземки, пройти по краю, доверившись близкому человеку, распробовать горячий вкус власти — и победить! А потом узнать, сколь ничтожны дела твои перед лицом Судьбы.

Все будет хорошо! Будет ли?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Никонова К. С., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2248-7

Что было, что будет, чем дело закончится,
чем сердце успокоится...

Из карточного гадания

ПРОЛОГ

Зеркало в примерочной было огромным. Резная дубовая рама, обрамлявшая его, являла собой отдельное произведение искусства. Грозди винограда, целиком вырезанные в дереве, были покрыты черным лаком и глянцево поблескивали, создавая впечатление своей натуральности. Извивающаяся лоза и листья обрамляли безупречно гладкую и чуть голубоватую поверхность зеркала. В настоящий момент в нем отражался в полный рост темноволосый мужчина в идеально сидящем темно-сером костюме-тройке. Без единой складочки классические брюки, бордовая шелковая рубашка, стильный галстук, прижатый золотой заколкой, золотой же браслет часов, блеснувший в свете прощальных лучей солнца, россыпь перстней на пальцах. Образ короля завершали аккуратно подстриженные усы и небольшая бородка, соединяющаяся с ними. В тщательно уложенных смоляных волосах тут и там светились серебряные нити, что придавало облику благородный и величественный вид.

Его величество рассматривал себя с мрачной усмешкой. В обычно властном взгляде читалось недовольство собой, окружающими и всем белым светом в придачу. Король с утра пребывал не в духе. В полной мере ощутив на себе тяжесть его настроения, мастер-портной со своими подручными поспешил откланяться, прислуга была отпущена властной нервной рукой, в комнате остался лишь молодой секретарь, только что отчитавшийся по текущим делам.

— Как я выгляжу? — негромко обратился король к почти-тельно взирающему секретарю с толстой папкой под мышкой.

Тот от неожиданности вопроса вздрогнул, глаза беспокойно стрельнули по сторонам. В голове пронеслась запоздалая мысль, что не стоило задерживаться после доклада.

— Ваше величество, вы как всегда прекрасно...

— Я не просил петь мне дифирамбы! — раздраженно перебил монарх. — Меня интересует ваше личное мнение обо мне в этом костюме. Какой вид я имею?

— Ваш вид? Вы... простите мою дерзость, — осмелился ответить секретарь. Лучше уж не тянуть и сказать правду. Король не переносит вранья и лести — это была одна из первых истин, усвоенных молодым человеком на новой должности. — Вы, кажется, взволнованы, — как на духу выдал он и замер в полупоклоне.

— Что-о?! — вдруг рявкнул король, резко разворачиваясь к незадачливому секретарю. — Вы забываетесь, сударь!

— Но... вы же сами... простите, — залепетал вмиг вспотевший помощник, кланяясь еще ниже.

Яростно сверкнув черными глазами, его величество пытливо всмотрелся в лицо молодого человека. Тот стоял в весьма неудобной позе — склонившись почти под прямым углом, но при этом с поднятым лицом, не смея опустить взгляд.

— На сегодня вы свободны. Потрудитесь удалиться с моих глаз, — уже спокойнее произнес король.

Повторять не пришлось. Так и не разогнувшись, секретарь попятился к двери, нащупал ее рукой, но толкнуть не успел, поскольку та открылась сама собой, впуская еще одно действующее лицо. Вошедший удивленно поздоровался с жаждущим оказаться за дверью секретарем и поинтересовался:

— Таллар, что с вами? Радикулит? В ваши-то годы?

Тот не ответил, а не мешкая выскочил из помещения.

— Здравствуй, Данэй, — обратился новоприбывший к нахмуренному королю. — Ты не скажешь, что это сегодня с твоими приближенными? Прислуга бегаёт как угорелая. По пути сюда мне встретился портной с подмастерьями, спешащий оказаться как можно дальше от собственной мастерской, теперь вот Таллар... Уж не покусал ли ты их? А то я, пожалуй, пойду.

Проигнорировав ироничный тон герцога вкупе с фамильярным тыканьем, его величество прищурился, сунул руки в карманы, покачался на каблуках и как бы между прочим спросил:

— Ответь мне на один вопрос, Дэйтон. Как я выгляжу? Речи о моей неземной красоте и величии можешь опустить.

— Хм... — Скрестив руки на груди, герцог заинтересованно обошел вокруг монарха, стоящего со скептическим выражением на лице. — Похоже, ты взволнован. Но, принимая во внимание... — Дэйтон не договорил, перебитый тихим шипением:

— Это что, сговор? Взволнован? Я — взволнован?!

— Не вижу в этом ничего удивительного. И постыдного тоже. Перед встречей, которая тебе предстоит...

— А я не вижу в этой встрече ничего, что могло бы вывести меня из равновесия, — невозмутимо отвернулся король к зеркалу.

Окинул себя еще одним взглядом, поправил галстук, рубиновые запонки на манжетах рубашки.

— Ну ты вроде женишься собрался.

— Можно подумать, впервые, — хмыкнул его величество.

— Но этот случай особый. Ты все еще ее любишь? — утвердительным тоном задал вопрос герцог.

— Не говори глупостей. Тебе известно лучше, чем кому бы то ни было, — к всепрощению я не склонен. После того, что она сделала...

— И все же ты собираешься на ней жениться. Что такого поведал тебе Прорицатель?

— Я уже говорил — ничего нового. Он лишь напомнил свое старое предсказание и поинтересовался, как я умудрился свернуть с широкого прямого пути. И посоветовал почитать «Притчу об упрямце и судьбе».

— Что он хотел этим сказать?

— Это же очевидно. Он имел в виду, друг мой, что, пока я не покорюсь судьбе, наследника мне не видеть.

— Ты уверен, что это не проклятие?

— Я не верю в существование такового. Обыватели могут сколько угодно судачить, сочувствовать или злорадствовать, но двое мастеров ничего не обнаружили. Да и сам я ничего не чувствую. А хоронить еще одну ни в чем не повинную женщину мне совсем не хочется. Так что в твоих интересах выпроводить меня как можно скорее и пожелать всяческих успехов на брачном поприще.

— Это я и без твоего Прорицателя знаю, — невежливо буркнул герцог. — Боюсь только, что в этом наряде ты не произведешь должного впечатления на известную особу.

— Ага! Значит, тебе все же не нравится.

— Перестань! Можно подумать, сам не видишь, что тебе эти костюмы к лицу. Вовсе я не об этом. Осмелюсь напомнить — у них лето.

— Склерозом я не страдаю. Ты просто не был у них зимой.

— Нет, дружище, это просто ты не был у них летом.

— Ты о чем? — насторожился король.

— О том, что там жарко! Ты взмокнешь через пять минут и враз растеряешь весь тщательно наведенный лоск.

— М-да? — удивленно приподнял брови король.

— Да-да. Тебе нужен гардероб полегче. И, кстати, зимой я там был.

Часть первая

КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА

Глава 1

О ДЕЛАХ НАСУЩНЫХ

Так, сейчас главное — потихоньку-потихоньку сползти с постели... А то получится как в том анекдоте: опоздала на работу, потому что зацепилась за мужа. Только мне опаздывать ну никак нельзя. Совещание у начальника департамента, знаете ли. А если учесть, что я претендую ни много ни мало на кресло директора, подобная мелочь может сыграть решающую роль при проведении конкурса на замещение вакантной должности. И станет у нас директором Вороненко Л. М., печально известная скандалами и судами, каждый раз выплывающая только благодаря своим связям. Прощай тогда моя программа по оцифровке редкого фонда, а в перспективе и всех мало-мальски стоящих книг. Нет уж, лучше я попытаю удачи, благо мое начинание получило неожиданную поддержку у попечительского совета.

Вообще, странная история с этим советом. Сроду никто особо не интересовался подробностями нашей работы, так, соберутся раз в пятилетку, выслушают с важным видом все инициативы — и благополучно забудут до следующего случая. А ведь люди все немаленькие, могли бы и помочь. Что стоит одному депутату переговорить с другим да внушить тому мысль, что надо помочь просвещению и культуре? Нам же много не надо — оборудование только закупить и утвердить штатные единицы, а работу мы сами организуем. Эх, сытый голодного не разумеет. У них, почитай, в каждом кабинете такие агрегаты стоят, что на коленке можно книги печатать, а нам несчастный сканер купить не могут. Ну, может, не совсем несчастный, а весьма даже навороченный, с функцией сканирования ветхой литературы. И сервер бы для хранения данных... и электронную базу менять надо... Уж мы бы тогда — ух! М-да. Мечтать не вредно. Ремонт сделали, и на том спасибо. Благо юбилей города на носу, а наше здание — памятник истории.

Ну вот, почти готова. Осмотрела себя в зеркале — аккуратный макияж, строгая прическа, осталось надеть костюм. Хоть жарко в пиджаке, но надо, для солидности. Еще очки не забыть и легкую косынку на шею — образ интеллигентной и серьезной женщины готов. Не повезло мне с внешностью. Меня по-прежнему часто принимают за девчонку, вот и приходится перевоплощаться. И так косились, когда я документы на директорство подавала. Как же, никому не известная Орлова Мария Анатольевна двадцати семи лет от роду, а туда же, в директора захотела. Просто вопиющая наглость! Но протекция попечительского совета сделала свое дело — кандидатуру приняли на рассмотрение. С меня семь потов сошло, пока в комитете документы регистрировали. Под внимательными и скептическими взглядами чиновников. Терпеть не могу эту публику, но теперь приходится. Пока я и.о. директора, все совещания в вышестоящих инстанциях — мои. Кайф! Всю жизнь об этом мечтала. Но за правое дело готова и дальше терпеть. И как меня угораздило? Работала себе тихо-мирно, занималась учетом и хранением. Искренне болела за родную библиотеку. А где-то уже, оказывается, шли процессы, которые привели к моему стремительному возвышению.

Сначала меня вызвала директор и в доверительной беседе сообщила, что инициатива, дорогая Мария Анатольевна, наказуема. Хотели технику? Давайте шевелитесь, подавайте обоснование, сметы, проспекты фирм и прочую лабуду. Попечительский совет готов поддержать и двинуть ваш проект. А не прошло и двух месяцев, как наша Ольга Васильевна, проректорствовавшая двадцать лет, сообщила, что увольняется с переводом на более высокую должность. Вот так. Через месяц директорский кабинет уже пустовал, был объявлен конкурс на замещение вакантной должности (в директора крупнейшей библиотеки региона первого встречного не возьмут), а меня неожиданно назначили временно исполнять обязанности руководителя. Признаться, я опешила. Ведь среди замов были и более солидные люди! Ну поматерилась про себя в адрес неизвестных доброжелателей, которые устроили мне веселую жизнь... и приступила к работе. А на свое место срочно пришлось подыскивать замену, чтобы и не обидеть никого, и дело не встало. Заместитель по учетно-хранительской работе — не последний человек в структуре библиотеки.

Вот такие пироги с котятами, как любит говаривать один мой знакомый преподаватель с истфака по фамилии Звонников. Тот самый, который Павел Александрович. Та еще зараза.

Но, в общем, неплохой человек, имеющий одну странность. За последние девять лет никто не слышал от него нецензурного или просто бранного слова. А ведь раньше он слыл первым остряком и насмешником факультета. Но после одной истории, вспоминать которую мне не очень хотелось, Пашино поведение круто изменилось. С тех пор он активно использует собственного производства фразы типа «Тутанхамон недозапеленатый» или «гениус Наполеонус». Кроме меня, никто и не догадывается об истинной причине. Да, был один человек...

Так, Маша, долой воспоминания! Пора одеваться, будить Мишку, вместе завтракать и быстренько смываться, пока дражайший супруг, весьма соскучившийся в командировке, не перехватил с известными намерениями. Не то чтобы я сильно против, но только не сейчас.

— Михайло, вставай! — заглянула я в спальню, предусмотрительно не приближаясь к кровати.

Руки у него длинные, заgreбущие... плавали, знаем. Сколько раз из-за него я выскакивала из дома как ошпаренная, в последний момент, еле успевая на маршрутку. А бывало, что и откровенно опаздывая. Потом на работе отмазки придумывала, как школьница. Нет, не школьница. У них проблем с сексуально активными мужьями не бывает. Или бывают? Кто их, нынешних школьниц, разберет?

— Я еще посплю, у меня выходной, — буркнул Мишка, не поднимая головы.

— Спи на здоровье, но я через полчаса ухожу, — предупредила я, натягивая юбку.

А где мои духи? На совещании будет один гражданин... точнее, господин, если выразаться современным языком. И господин тот — новый член нашего попечительского совета. Нет, вы не подумайте чего. Все вежливо и культурно. «Доброе утро, Мария Анатольевна». — «Доброе утро, Николай Андреевич». — «Ах, как вам удастся так сногшибательно выглядеть?» — «Все льстите?» И прочая, и прочая. Непременный поцелуй ручки. Играем при каждой встрече, но я всегда настою, чтобы не перейти границу. Мне этот привлекательный мужчина нужен строго по делу. Он и сам понимает, чай, не дети. Иногда у меня возникает впечатление, что его интерес ко мне — даже более деловой, чем мой к нему. Но, как бы то ни было, мужское внимание приятно. В среде чиновников такое редко встречается. В основном смотрят как на рабочую лошадку, которую можно запрячь и ехать, свесив ножки. Терпеть не могу подобных типов! Пальцем не шевельнут, чтобы помочь,

индюки. И хамы к тому же. Николай Андреевич — другой. С таким приятно общаться. И хочется выглядеть хрупкой и женственной, а не пробивной стервой. Одно его целование рук чего стоит! Каждый раз сердце замирает.

Через пять минут Мишка все же выполз на кухню. Потянулся, задев рукой люстру. Чертыхнулся, придержал ее, чтобы не качалась. Вечно он то притолоки лбом сшибает, то несчастные люстры. Дал же бог роста! Года два назад я раскрыла еще один секрет высоких мужчин. Оказывается, все пропажи в доме нужно искать где-нибудь на верхотурах — на шкафах да холодильниках. Мишка туда кладет вещи машинально и потом сам удивляется, куда это все его расчески подевались? А гонку вооружений, то есть каблуков, я давно забросила, сообразив, что дотянуться до приемлемого уровня мне все равно не светит. Ну и смысл издеваться над собой? Семь сантиметров — и хватит. А что люди улыбаются, глядя на нашу пару, так на здоровье.

— Ты куда это в такую рань — и так нарядилась? — с подозрением повел носом Мишка и уставился на меня.

Я в ответ на него. Вот всем он хорош: любящий, по-своему заботливый и внешность не подкачала — вижу, как читательницы в библиотеке на него глаза пялят. К тридцатнику поздоровел, заматерел. Как прижмет к себе — ребра трещат. Одна беда — ревнует к каждому столбу. Вроде и поводов не даю, а все равно допрашивает и проверяет еще, поди.

— На панель... э-э-э, на ковер к начальству, — отшутилась я, с удовольствием наблюдая, как вытянулось его лицо. Будет знать, как донимать.

— Ой, жена! Смотри у меня! — так же шутливо погрозил Мишка.

Терпеть не могу, когда он меня женой зовет! Как будто... ну не знаю, как чужого человека, безлико и бездушно. Сама я его мужем почти не называла. Ни в глаза, ни за глаза. Он Мишкой был, Мишкой и остался. Свой парень, хороший друг. И официальное звание мужа ему совсем не идет. Я показала в ответ язык и приняла задумчивый вид:

— Слушай, я тут вчера в одном магазине была...

— И? — Моя вредная половина изобразила в ответ безумный интерес.

— Хочу шубу! — состроила я глазки. — Какие там шубы! Прямо задохнуться можно от восторга!

— Охотно верю.

— Ну серьезно. Купи шубку любимой супруге. — Я незаметно перебралась на Мишкины колени.

— А что мне за это будет? — оживился он, пользуясь случаем, чтобы облапать.

Пусть его, главное — получить одобрямс.

— Ну... пирогов напеку.

— Мало!

— Шаньги! Блины, оладьи, пельмени и пиццу.

— Мало!

— Круглый год! — сделала я последнюю попытку.

— Не хочу.

— А что ты хочешь?

— Тебя! Сейчас.

— Э, нет. Мне пора идти, — начала я выкручиваться из его рук.

Не тут-то было. Черт, попала. По глазам вижу — не отпустит. Нахальные руки уже шарили под одеждой в самых интересных местах.

— Ну правда, мне пора. Опаздывать нельзя, — выдохнула я в перерыве между поцелуями. — Фу, какой ты колючий.

— Я тебя отвезу.

— Пока ты за машиной сходишь... нет.

— Машка, мы быстро.

— Миш... не надо. Собиралась-собиралась, все коту под хвост.

— А шуба?

— Да черт с ней. Сама куплю, в кредит.

— Ха-ха. Тебе мало кредитов?

— Так те твои, а этот мой будет, персональный.

— Имей совесть. Я за две недели чуть не озверел.

— Вот и устроим вечером романтический ужин. Как приличные люди.

— Не хочу как приличные вечером. Хочу сейчас, и очень неприлично...

На совещание я успела в последний момент. Буквально заскочив перед носом у большого начальника. Противный мужик, доложу я вам. Вампирюга!

По дороге высказала Мишке все, что думаю о его грязных методах, и пригрозила устроить развод на полкровати в случае опоздания. Шутку он признал хорошей, а про шубу сказал, что тут надо подумать. Так, литовский народный праздник Обломйтэс?

— Ну ты динамщик! — восхитилась я. — Это что же, я зря страдала, получается?

— Да, страдала ты громко! — развеселился Мишка и попытался увернуться от подзатыльника.

— На дорогу смотри! — напомнила я и таки ж дотянулась до него.

— Слушай, Маш, ты сама знаешь, как у нас с деньгами. Договорились же — добить в этом году кредит за машину, — посерьезнел Мишка. — Потерпи годик. К следующей зиме, кровь из носу, купим тебе шубу. Вообще не понимаю, на фиг новая, когда этой трех лет нету?

— Она из моды вышла. А мне надо солидно выглядеть, что непонятного? Меня уже кое-кто с директорским креслом поздравляет. Не могу я в старой ходить. Засмеют.

— Вот как начнешь получать директорскую зарплату, так и купим.

— Эх, сейчас там такие скидки!

— Кто бы нам еще сделал скидку на ипотеку.

Разговор заглох, а я про себя подумала, что я буду не я, если не куплю приглянувшуюся шубу! У Юрки займу или у Маринки, на худой конец. То, что понравилось, надо брать сразу, потом ничего подобного не найдешь по закону подлости.

Второпях чмокнув Мишку, услышала от него традиционное: «Я тебя люблю», — кинула в ответ тоже традиционное: «И я тебя», — и чуть не бегом помчалась к зданию администрации. На ходу расстегнула сумочку, привычным движением нашарила молнию на внутреннем кармашке, расстегнула ее и вытянула свой амулет. При Мишке я его никогда не демонстрировала, да и вообще теперь редко надевала, но по инстанциям без него не ходила. Эту хрустальную капельку на серебряной цепочке мне подарили на восемнадцатилетие, и с тех пор я не раз поминала добрым словом того дарителя. Если бы не этот амулет, не факт, что моих жизненных сил хватило бы на все пережитое.

Я так и не научилась равнодушию, что постоянно приводило к катастрофическим последствиям. Понервничаешь как следует — и начинается. Как будто жилку кто из груди тянет. Мерзкое ощущение. А есть еще люди, которые это делают нарочно. Подпитываются чужой силой. Я-то это вижу, специально наблюдала, а окружающие не замечают. Впрочем, не совсем так. Неспроста ведь существует понятие «энергетический вампир». Вот мой нынешний начальник — типичный пример. Прикол в том, что это у него, видимо, природная способность, потому что к магии он никаким боком. Проверяла. А для

Мишки моя цепочка — большое напоминание о тех днях, когда я ему предпочла другого. Сколько раз пыталась донести до него, что все давно в прошлом, ревновать к которому глупо.

Бесполезно. Имя Дэна на него действует, как красная тряпка на быка. Я сама, наверное, виновата. Слишком долго Мишка ходил вокруг меня, слишком долго я ему отказывала. Вот и приходится теперь скрывать эту вещицу, с которой я давно сроднилась и в критической ситуации цепляюсь за нее, как утопающий за спасательный круг. Знаю, что не подведет, поможет привести эмоции в порядок и просто согреет, когда в душе стужа. Моя палочка-выручалочка и... единственное материальное свидетельство той давней любви. Больше-то ничего не осталось, и с каждым годом все труднее воскрешать в памяти события, образы. Да и стоит ли? Призракам не место среди людей...

— ...библиотека! Мария... хм... Анатольевна, мы вас слушаем.

Ох, черт, задумалась и чуть не прокараулила свою очередь. Так, мой черед отчитываться. Ну держитесь все, сейчас что-то будет. В пятницу я получила уточненный план мероприятий по случаю юбилея города. И пара пунктиков мне категорически не понравилась. На все я согласна — официальные лица, выставка книг по истории города, конференция. Но устраивать фуршет в читальном зале — увольте! Как и редкие книги вывозить куда-то там.

Отчитавшись о готовности по первым пунктам, отложила бумаги, сняла очки и, пристально взглянув в глаза зажавшемуся начальству, озвучила свою точку зрения. Вокруг сразу перестали шуршать — почуяли скандал. Против течения тут рыпаться не принято.

— Мария Анатольевна, план уже утвержден, так что ваше дело...

Ага, а пьянки у меня в библиотеке, значит, — не мое?

— У меня с собой устав библиотеки, утвержденный во всех вышестоящих инстанциях. И ни в одном из пунктов не сказано, что библиотека — это место для проведения подобных, с позволения сказать, культурных мероприятий. Я все понимаю — делегация, гости города, VIP-персоны, но в городе сотни соответствующих заведений, где можно организовать застолье. Что за необходимость устраивать его в читальном зале, где нет подходящей мебели, зато есть открытые стеллажи!

— Давайте не будем! У всех в плане значатся подобные мероприятия, и никто, кроме вас, не счел их затруднительными. Любую проблему можно решить при наличии желания.

Вот-вот! Желания закрывать библиотеку на целый день ради того, чтобы напоить начальственные лица, у меня как раз и нет. Запрягать девчонок-библиотекарей выносить лишние столы и стулья, а потом работать официантками и уборщицами, да еще охранять стеллажи, чтобы ни у кого не возникло соблазна прихватить на память книжечку... Я свой коллектив слишком уважаю, чтобы соглашаться на такое. Сама через это прошла и прекрасно помню всеобщее возмущение.

— Георгий Иванович, если отсылка к уставу организации для вас ничего не значит, можно обратиться к российскому законодательству. Настоятельно прошу вас пересмотреть планы. Фуршет мы устраивать не будем. Это, в конце концов, незаконно! — отчеканила я.

Оглянулась на коллег. Все молчат. Кто-то хмурится, кто-то опустил взгляд — вроде и права я, но в открытое противостояние никому вступать неохота. А есть пара сотрудников, которые снисходительно усмеваются, глядя на меня. За малолетнюю дурочку принимаете? Ну-ну. А я еще не закончила:

— Тут у нас присутствует представитель Росохранкультуры. Николай Андреевич, что скажете?

Давайте, любезный друг. Проиграли спор — теперь действуйте. Кто говорил, что мне смелости не хватит? Я спрятала улыбку, чтобы не выдать своего торжества.

Николай Андреевич не подвел. Задвинув речь на пять минут, в конце скромно признал, что Мария Анатольевна все-таки права. Зато рядом с библиотекой есть прекрасный ресторан, где можно организовать торжественный обед для гостей города.

Есть справедливость на свете, и настоящие мужчины не перевелись. Надо будет сказать ему спасибо и подумать, чем отблагодарить.

Когда все разошлись, злой как черт начальник департамента попросил меня остаться и прямым текстом заявил, что такой инициативный наоборот директор библиотеке не нужен. А поскольку я временно исполняю обязанности, на постоянную должность будет назначен кто-то другой.

Не больно-то и хотелось. С такими уродами работать — да я лучше в хранилище сидеть буду, чтобы не видеть ваши рожи. Елейным голосом пожелав всего наилучшего, вышла. Конец

немного предсказуем. Если честно, то я особо и не рассчитывала на директорство.

Николай Андреевич ждал в холле.

— А что это вы, вроде и не рады? — поинтересовался он, завидев меня. — Я вот, напротив, хотел выразить свое восхищение и одобрение. Уважаю.

— Битву я выиграла, а войну проиграла, — хмуро отозвалась я. — Спасибо за поддержку. Если что понадобится, обращайтесь. К сожалению, у меня еще куча дел. Так что до свидания.

— Вы о чем? За конкурс боитесь, что ли? Подождите сдаваться раньше времени. Георгий Иванович не один будет принимать решение. Я, между прочим, тоже член комиссии и прослежу, чтобы все было честно, по меньшей мере.

— Николай Андреевич, я прямо поражаюсь — вы как ребенок. Где вы у нас видели честность? Он мне только что прямо заявил, что директором назначат другого человека.

— Это он сгоряча. Вот остынет немного, тогда поговорим.

— Спасибо еще раз. Вы возвращаете мне веру в человечество. Даже и не знаю, за что вы так горячо меня во всем поддерживаете.

«Уж не рассчитываете ли на что-то большее с моей стороны?» — продолжила я про себя. Мы вышли на улицу, и надо было сворачивать разговор. У меня и правда дел невпроворот. Еще планерку проводить.

— Из всех кандидатур ваша мне импонирует больше всех, — улыбнулся Николай Андреевич. — Кстати, о поддержке... Не откажите мне в одолжении.

— В каком? — настороженно осведомилась я.

— В пятницу у нас состоится благотворительный вечер. Вот ваше приглашение. Приходите, пожалуйста.

Так-так. Началось? Какой из меня, к черту, благотворитель?

— И на какую тему вечер?

— Там все написано. Круг приглашенных очень солидный. Потенциальные спонсоры, даже выше берите — меценаты! Я вас познакомлю кое с кем. Как раз и переговорим в неформальной обстановке о делах. Обсудим программу по оцифровке. Может, и по штатному расписанию что-то придумаем.

— Надеюсь, Георгия Ивановича там не будет?

— К несчастью — или к счастью, — он подобные мероприятия не жалует, — рассмеялся мой собеседник. — Так придете?

— Постараюсь, — уклончиво ответила я.

— Рассчитываю на вас. Не подведите! — поднял Николай Андреевич палец, поцеловал мне на прощанье руку и поспешил к машине.

Хм, интересно, помнится, у него другая машина была. И сидит на заднее сиденье. Ух ты! С шофером? Неплохо чиновники в Росохракультуре живут.

В пятницу никуда я не пошла. Потому что Мишка опять уехал в командировку, и я злилась. Потому что у Маринкиного Данила был день рождения, и я не могла пропустить такое событие. И, наконец, потому что девчонки уговорили меня, заявив, что светских мероприятий мне и так хватает, каждую неделю где-нибудь да приходится появиться, а собраться всем старой компанией выдается не так часто. Мне и самой жутко не хотелось никуда идти. Не знаю почему, но при мысли о предстоящем вечере неизменно возникало беспокойство и даже страх. Вроде ничего криминального — официальное мероприятие в театре. Больше сотни человек. Однако интуиция предупреждала о... не знаю о чем. Стойкое ощущение, что за этим приглашением что-то кроется, не покидало меня до самой пятницы. Сverbело и свербело.

Вот поэтому я плюнула на обещание, на потенциальных благодетелей-меценатов, потерзалась слегка угрызениями совести, да и отдалась на волю собственных желаний. В кои-то веки свежим воздухом подышать, позагорать и наестся шашлыков. А работать надо в рабочее время. Николай свет Андреевич своим звонком только укрепил мои подозрения. В ответ на заявление, что не смогу появиться по семейным обстоятельствам, он так искренне огорчился, будто корову проиграл. Ох темните вы что-то, любезный друг! Ну да позже с этим разберемся.

Ехали двумя машинами. Впереди Андрей со своим семейством, следом мы. Я рядом с Юркой, сзади Наташка с детьми. Мелкого она взяла на руки, а старшую егозу усадила в автокресло. Чует мое сердце, кому весь этот детский сад сплавят. Когда мамы устают от своих чад, дело приходится брать в свои руки. Я с ними быстро разбираюсь. Сказку спинопрызам, и по койкам. Девчонки давно оценили действенность моего метода, так что при случае беззастенчиво пользовались.

Именинник, не дожидаясь ужина, сбежал к друзьям, которых у него тут целая компания образовалась. Просто удивительно, как дети умудряются сдружиться за несколько меся-

цев дачного сезона. Владик было дернулся вслед за братом, но мать не пустила, заявив, что он как хозяин должен развлекать гостей, то есть Наташкиных Аленку с Олежкой. А Данил пусть побегаёт в честь праздника. Господи, как быстро дети-то растут! Давно ли, кажется, встречала племяша из роддома, а вот пожалуйста, уже лопочет вовсю. Я, правда, понимаю с седьмого на десятое, но Наташка утверждает, что у меня что-то со слухом, ибо и без переводчика в виде старшей сестры все ясно. Да что Олежка. Данилка через год-другой меня ростом догонит, а будто бы вчера я смотрела на него в детской кроватке и представляла, что это мой сын. Мой и Дэна. В честь него и назвали родители Данилом. Удивительный мальчишка. Учится на «отлично», в бассейне уже в спортивную группу ходит и в музыкальной школе занимается с удовольствием. Гордая Маринка утверждала, что учителя просто в восторге от юного, но необыкновенно талантливое ученика.

Вот она, жизнь, как повернулась. Мечтала о семье, о детях, чтобы двое, как мы с Сашкой. И пожалуйста, Маринкиному сыну девять лет справляем, у всех знакомых дети — у многих по двое, кое у кого даже трое, а мы с Мишкой все никак.

Дети — наша больная тема. После выкидыша, случившегося у меня в первый год замужества, я не могу забеременеть. Близкие, зная о моей беде, лишний раз не напоминают. А Наташка советует искать в бездетности светлую сторону. Вот, например, карьера у меня сложилась, потому что все по очереди уже сходили в декрет, а я оказалась незаменимым работником. Так и доросла до заместителя директора. Еще она утверждает, что иногда завидует белой завистью моей свободе от материнских обязанностей. Театры, музеи, рестораны — жить можно в свое удовольствие. Только мне этого и по долгу службы теперь хватает. Литературный бомонд, юбилеи, презентации — всего с лихвой, а вот ребенка хочется все больше с каждым годом. Наташка, конечно, все понимает, но уверена, что как только я перестану думать об этом и дергаться ежемесячно, всегда имея при себе тест — а вдруг! — так получится само собой. Только я про себя знаю кое-что, чем ни с кем никогда не делилась. Моя бездетность — наказание за предательство. Когда выходишь замуж за одного, а втайне мечтаешь о другом — безнадежно, глупо и не веря в его возвращение, — предаешь их обоих. Когда видишь пресловутые две полоски и вместо радости испытываешь обреченную покорность судьбе — все, теперь уже точно навсегда! — предаешь свое дитя. Тогда я решила, что должна избавиться от последней памятки о Дэне, и едва не выбросила

амулет. Из меня выходила Сила, но я терпела, надеясь, что сама смогу перекрыть канал. Тренировалась каждый день. Счастливым Мишка объявил, что надо срочно покупать квартиру, и вроде все шло самым лучшим образом... Уже после я поняла, что натворила. Не моя это Сила была. Что бы ни говорили врачи, друзья, родные, я точно знаю причину. Ребенок у меня появится лишь в том случае, если я сама прощу себя. Но это вряд ли.

Вечером мы сидели в беседке, доедая шашлык и подумывая, не перебраться ли на веранду. Комары одолели.

— Спят? — дружно поинтересовались у меня четверо родителей, глядя честными-честными глазами.

— Куда они денутся? — усмехнулась я. — Носились как угорелые, утоптались.

— И Данил спит? — подозрительно спросила Маринка. — Он на каникулах раньше часа ночи вообще не ложится.

— Сопит в две дырочки, — уверенно заявила я.

Про себя хмыкнула — нет такого ребенка, который устоял бы перед Машиными сказками. Все просто. Раскладываешь детей по кроватям, усаживаешься в кресло и вспоминаешь первую попавшуюся сказку. Мой маленький секрет — в легких, воздушных иллюзиях, которые сопровождают каждое слово. Дети, ожидающие этого волшебства, как правило, сами выставляют родителей за дверь, «потому что это только для маленьких!». Первую сказку, так и быть, я честно довожу до конца, чтобы ребятишкам не было обидно. А на второй начинаю насыпать на них сон. Тихонько касаюсь каждого магическим дуновением, и через пару минут восторг на мордашках сменяется умиротворенностью, глазки закрываются... До утра все проспят, как ангелочки, и ни одному дурной сон не приснится. Могу гарантию дать.

Говорили обо всем. Начали было о кризисе, но потом дружно согласились, что не стоит портить себе настроение. На меня уважительно поглядывали, когда я рассказывала, каких гостей мы ожидаем в библиотеке на День города. Тоже мне великое счастье — лицезреть губернатора бок о бок с мэром. Был бы с этого прок. А так... мужики как мужики. Только с виду важные. А за кулисами чего только немотришься. Как букетом, на ходу облетающим, в морду помощникам тычут, как матерятся на безмозглую дуру ведущую, которая их речь не в том месте объявила, и как глазами стреляют в сторону девочек молоденьких, когда думают, что никто не видит. За время

своей работы я только губернаторов троих близко видела, даже президент раз приезжал. И вообще, после месяца жизни в королевских покоях и близкого знакомства с реальным королем мне любые официальные лица уже не кажутся столь значимыми.

Вот черт! И что мне воспоминания полезли в голову? Уже не впервые за последнее время, кстати. Да ну их, одно расстройство. Это все потому, что Мишки нет рядом. Меня его командировки уже достали. Не скандалю лишь потому, что понимаю — наше материальное благополучие целиком зависит от его работы. Вот стала бы я директором — тогда можно было бы и зарплатами помериться, а пока — увы.

Два дня уик-энда пролетели одним счастливым мигом. В субботу ездили купаться и загорать. Аленка заплела мне две косички, и, взглянув в зеркало машины, я невольно расхохоталась — не видят меня сейчас подчиненные и начальство. Хороша директорша. В волосах какие-то лютики-цветочки — племянница утверждала, что это последний писк моды; к щеке прилип песок; мятая футболка и коротенькие шорты. Еще больше я хохотала, когда ко мне подрулили двое парней лет шестнадцати, — знакомиться. Мы с Аленкой, которую Наташка поручила мне не пускать в воду (и так уже губы синие), строили песочный замок, вдруг слышу сзади насмешливый голос:

— Смотри-ка, взрослая девчонка, а в песке возится. Пошли лучше с нами, потусим.

Поворачиваю голову — стоят двое малолеток в пляжном прикиде, усмеваются. А чуть поодаль остальная компания с мангалом — пять человек.

— Гуляйте мимо, мальчики, — усмехнулась я в ответ.

Если смотреть не со спины, так, надеюсь, отличить от девочки не сложно?

— А че, ты с родителями?

Я уже откровенно рассмеялась: они еще не поняли свою ошибку? Пьяные, что ли? Чтобы довести комизм ситуации до логического завершения, позвонил Мишка. Я как раз собралась кивнуть на реку: «Ага, вон папа плавает», — но пришлось отвечать на звонок благоверного.

— Привет. Чем занимаешься? — жизнерадостно спросил он.

— Да вот знакомлюсь с молодыми людьми, — честно ответила я.

— Чего?! С какими еще...

— Симпатичные мальчики. Вдвоем за одного тебя сойдут, если все сложить — рост, вес и возраст.

— Машка, ты совсем там чокнулась?! — законно возмутился супруг.

— А не будешь жену бросать, — строго возразила я, вставая и отряхиваясь от песка. Ух какая я на него сердитая! Краем глаза заметила, как парни попятнулись. Дошло наконец. Или они от Юрки шарахнулись? Тот, блестя каплями воды на коже, приближался с Олежкой на руках. — Если есть претензии, выскажи их в письменной форме и оставь в приемной. Рассмотри в рабочем порядке.

— Так. Ты что, пьяная? Юра там? Дай-ка ему трубочку.

— Сейчас дам. Только Аленку сплавлю. А сама схожу испкупаюсь. Пока. Целую.

Ночью мне приснился Дэн. Впервые за много лет. Пару раз бывало, я просыпалась с твердой уверенностью, что видела его во сне, но, кроме факта присутствия, больше ничего вспомнить не могла. А сегодня был удивительно яркий сон. Я полоскала свой купальник от песка, все там же, на берегу речки, как вдруг заметила молчаливую фигуру, стоящую в нескольких шагах. Моим первым порывом было кинуться Дэну на шею. А потом как-то резко вспомнилось, кто я и сколько лет прошло. Я Мария Орлова, и мне двадцать семь лет. А он, наверное, спустя годы не должен выглядеть так... молодо. Очень хотелось дотронуться до него. Подняла руку, провела по его щеке. Будто чужое лицо — холодное, глаза колючие. Дэн молчал, смотрел без тени улыбки, серьезно и как-то отстраненно.

— Это совсем не ты. Всего лишь сон, — прошептала я, опустив голову.

По щеке побежала теплая капля, за ней другая — с мокрых волос падают, я же купалась. Отвернувшись, медленно пошла прочь. А он, все так же молча, смотрел вслед...

Столкнувшись утром на веранде с Маринкой, я задумчиво поинтересовалась:

— К чему покойники снятся, не знаешь?

— Это кто тебе приснился? — удивилась она.

— Да так... Дэн. Будто мы у речки встретились. Я вот такая же, как вчера, растрепана с косичками и в футболке на голое тело. Он посмотрел и ничего не сказал. Ужаснулся, наверное, моему виду. И даже вроде и не он был. Совсем не такой, каким я его помню. Зачем приснился? Белиберда какая-то.

— Вспоминала недавно, может? А может, он хотел сказать, что не такой уж он и мертвый?

— Даже если и так, какая теперь разница?

— А представь, что он бы сейчас появился?! — Маринкины глаза загорелись. — Ты бы захотела с ним встретиться?

— Нет, — поспешно отказалась я.

— Почему? — искренне удивилась подруга.

— А смысл? Это у вас с Андреем вечная и негасимая любовь. А я... давно перегорела. Да и что бы мы друг другу сказали? Нет уж, где-то он все эти годы был, пусть там и остается. Я предпочитаю думать, что его давно нет в живых. Это как-то... честнее. И с его стороны, и с моей.

Глава 2 ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

Новая рабочая неделя заставила выкинуть всякие посторонние мысли из головы. Не до воспоминаний о далеком прошлом. Тут с настоящим успевай разбираться. Окончание квартала совпало с подготовкой к городским праздникам, и вскоре должна была пожаловать комиссия по проверке готовности.

Хотелось громко ругаться. И какой светлый ум придумал вот все это? Жара, каникулы, народ в отпусках... а мы как угольные бегаем.

На планерке пришлось напомнить о внешнем виде сотрудников. Пройдя сегодня по библиотеке, я пришла в ужас. Нет, все понимаю — девчонки молодые, жарко, но майки-топики и мини-юбочки на рабочем месте недопустимы. Приедут чины из оргкомитета — а у нас тут пляжный сезон.

— Мария Анатольевна, солнечная сторона же, — взмолились подчиненные. — Духота такая, что дышать нечем.

— На улице ходите как хотите, но на рабочем месте, а тем более при читателях, только деловая одежда. Возьмите у меня вентилятор, кому невмоготу. Я вроде не умираю, хотя сторона та же. Что вы на кондиционер коситесь? Он все равно не работает. Дорогие мои, схлынет волна, сразу закрываемся до осени. Тогда можно будет расслабиться. Но давайте постараемся, чтобы сейчас нареканий не было. От этого премиальные зависят. Я комиссию между делом проведу по самым жарким помещениям, может, на пару кондиционеров расщедрятся.

Сплавив народ на рабочие места, раскрыла окна настежь. Толку-то, что тут, что там жара. Вот когда пожалеешь, что пе-

ребралась в директорский кабинет. На старом месте с жарой проблем не было. Скорее уж наоборот — в подвальных помещениях на редкость стабильный холодильник. А кондиционер на новом месте у меня благополучно издох с началом жарких дней. На ремонт наличка нужна. И где ее взять?

Голова категорически отказывалась работать, тупо ныл затылок, отдаваясь болью куда-то в висок. Надо срочно таблетку выпить, иначе плохо будет. Можно бы попробовать магически полечиться, но на это нужно время. А его-то как раз нет.

Зазвонил телефон. Все, началось. Пока шла планерка, секретарь звонки не пропускала, а сейчас будут рвать меня на части. Ничего, подождут. Мне еще надо посмотреть, что там на выставку отобрали. Предупредив Юлю, чтобы больше ни с кем не соединяла, попросила холодной воды и взялась за трубку.

Звонил Николай Андреевич. Ага, послушаем, что скажет. Тот первым делом поинтересовался, как прошли выходные. Ну да, надо же напомнить, как нехорошо я его в пятницу кинула.

— Как всегда лучше всех, — бодро заявила я, растирая висок. — А вы уже соскучились?

— Конечно. Едва дождался понедельника, чтобы сообщить вам прекрасную новость.

— Правда? Сообщайте, — поощрила я его. А то мы так любезничать будем еще полчаса. Кивнула зашедшей Юле: — Спасибо. Будут спрашивать — меня нет, вернусь через часик. — И вновь обратилась в слух.

— Так вот. Очень жаль, что вы лично не присутствовали на вечере. Нашелся спонсор, который готов предоставить все необходимое оборудование в течение этой недели. С вашей стороны требуется лишь принять, подключить и приступить к работе.

— Вы... серьезно? — недоверчиво переспросила я. Николай Андреевич в целом к таким шуткам не склонен, но поверить в то, что вот так запросто он мне сообщил, оказалось нелегко. У нас будет техника! Мечты сбываются! Или еще рано радоваться? — Сознавайтесь, тут кроется какой-то подвох?

— Никаких подвохов, — обиделся любезный друг. — Техника будет, в пятницу крайний срок, а скорее раньше. Если бы мы вместе с вами договаривались, может, и по штату бы что-то сразу придумали.

— Да это как раз не столь срочно. До осени у меня есть свободные люди. Но вы сказали — спонсор. Не меценат?

— А для вас так критична разница? Или что, откажетесь от бесплатного оборудования?

— Вы прекрасно знаете нашу ситуацию. Сидим на книгах, как собака на сене. А они не вечные. Более того, грибок не дремлет. Гибнут бесценные издания, а мы можем лишь беспомощно за этим наблюдать. Речи о том, чтобы с ними работали исследователи, даже не идет. И это в наш-то век электроники! Конечно, я не откажусь от щедрого предложения, но надо же знать, на что подписываешься. Может, завтра этот спонсор потребует помещений, чтобы со своими партнерами, так сказать, приобщаться к культуре. Или хуже того, затребует выделить место под офис. У нас здания очень удачно расположены, в самом центре города. Кто их, благодетелей, знает, что у них на уме.

— Помилуйте, Мария Анатольевна! Никто не собирается зверствовать, что вы такое говорите!

— Хорошо, но переговорить до прибытия техники нам все равно не помешает. Что за фирма, чем занимается?

— Боюсь, название вам ни о чем не скажет. Но могу заверить, что люди серьезные. Четвертый год на местном рынке. Профиль очень широкий — от косметики до топлива.

— Торговля, значит?

— До сих пор торговали, сейчас собираются небольшое производство запустить. Ну раз уж вы так интересуетесь, давайте организуем встречу. Завтра, часов в семь. Устроит?

— А пораньше никак? До конца рабочего дня? — попросила я.

На завтра у меня запланирован поход за шубой, уже с Наташкой договорились.

— Знаю я, как вы в рабочее время на встречи ходите, — дольше пятнадцати минут нигде не задерживаетесь.

Ладно, мы не гордые. Шуба еще денек подождет. А рабочее время действительно расписано чуть не по минутам.

— Опыта не хватает. Не успеваю все, вот и верчусь как белка в колесе. Хорошо, пусть будет в семь. Где?

— Еще не знаю. Может, у них в офисе? Как определимся, я вам перезвоню. А лучше заеду за вами в библиотеку.

— Договорились. А как хоть зовут-то нашего благодетеля?

На том конце провода произошло замешательство.

— Вот досада. Визитку куда-то засунул. А так не помню. Мы по имени-отчеству не представлялись. Зато фамилия хорошая — господин Иванов.

— Ценная информация, ничего не скажешь, — рассмеялась я.

Ладно, будет встреча, будем знакомиться. А сейчас мне надо народу сенсационную новость сообщить и работку подкинуть. Кто ж думал, что мы так скоропостижно техникой обзаведемся. Придется место разгрести.

Вторник — день тяжелый! Иной вторник похуже понедельника будет. Этот был из таких. И стоило наводить марафет по случаю переговоров со спонсором, если пришлось выезжать на аварию в филиал, который затопило сверху какой-то дрянью? Чтобы поругаться с пофигистского вида мужиком из управляющей компании, которому как об стенку горох? Я на них в суд подам! Не первый случай уже. Прорывает где-то в перекрытиях, этажом выше все сухо, а у нас дождь с потолка.

В расстройстве чувств я пила чай с заведующей Верой Дмитриевной, с которой мы пришли работать в библиотеку почти в одно время и, можно сказать, дружили. Она сообщила невероятные слухи: в Музыкальном театре вместо старых, всем знакомых берестяных картин в холле повесили что-то новое, неизвестного художника. То ли новодел под старину, то ли действительно неизвестные шедевры прошлого. Я была в ауте. Представить, чтобы в нашем театре не стало берестяных пейзажей? Этого просто не может быть! Но добила меня Вера сообщением о том, куда отправились картины. По одним источникам, в частную коллекцию, по другим — в государственную галерею! Это куда? В Эрмитаж? В Третьяковку? Почему-то верилось с трудом. По местному телевидению такую новость раструбили бы за полгода до того. А тут молчком... Уж скорее первый вариант. Но это же вопиющее безобразие! Поистине народное достояние — какому-то нуворишу? Да я первая плюну в лицо директору при встрече. Продать лицо театра! Это то же самое, как если я бы толкнула, ну не знаю, — колонны с фасада библиотеки! Или само здание, чего уж там. Аж кипя от возмущения, сделала зарубку на память — спросить сегодня у Николая Андреевича, как же так?! Куда они-то смотрят в своей Росохранкультуре?

Вечер, как и весь день, пошел псу под хвост. Меня срочно вызвали в казначейство, где намылили голову за грозящее неисполнение бюджета. А после мы с главным бухгалтером битых два часа ломали намыленные головы, как нам исправить ситуацию. От пестрящих цифрами статей кружилась голова — что куда перекинуть и как не оплошать в следующем квартале.

Какие тут спонсоры, какие шубы?! Когда в полседьмого заехал Николай Андреевич, мы сидели, зарывшись в бумаги по самую макушку. И я с уважением вспоминала Ольгу Васильевну, у которой все таинственным образом прекрасно сходилось. Руководитель предприятия, кроме своей профильной профессии, должен обязательно иметь экономическое образование — эта истина встала передо мной яснее некуда. Может, пока не поздно, мне самой отказаться от участия в конкурсе? А то как привалит это счастье навсегда...

— Простите, — подняла я глаза. — Но мы, похоже, тут надолго.

Со стоном опустившись в кресло напротив, Николай Андреевич пронзил меня взглядом и поинтересовался:

— Вы это нарочно?

— Ну конечно, — не удержавшись, съязвила я. — Видите, прямо наслаждаюсь миром финансов. На кой мне спонсоры? Я свой-то бюджет освоить не могу. Вот, кстати, еще новую технику надо будет на баланс ставить. И десять бумажек написать, каким чудесным образом она у нас появилась.

— И что я должен сказать человеку?

— Извинитесь от моего имени, пожалуйста. Форс-мажор.

— Может, все же подъедете попозже?

— Если честно, я уже не в состоянии вести переговоры. У нас еще сегодня авария случилась в филиале, надо бы заскочить проверить, как дела. Дайте мне адрес их офиса, я заеду туда завтра.

— Эк вы лихо! Нет, дорогая Мария Анатольевна. Без моего посреднического участия не выйдет. Этот человек не из тех, кто раздает адреса и телефоны.

— Очень интересно. А мы разве не собирались к нему в офис?

— Нет.

— А куда?

— В ресторан. Туда я сейчас и направляюсь.

В голове теснилась пара-тройка вопросов: что за таинственная секретность и зачем Николаю Андреевичу в ресторан, если встреча не состоится? У них еще какие-то дела? Но я предпочла промолчать. Меньше знаешь — крепче спишь. Не так прост господин Иванов, сорящий крупными суммами на благо народного просвещения. Надо быть настороже. Вряд ли его интересуют наши помещения. Не тот уровень. Может, за какой-то редкой книгой охотится? А что, я лично знаю несколько таких ненормальных коллекционеров. Они ради воз-

деленного раритета готовы наизнанку вывернуться, не то что пару миллионов отстегнуть. Но в таком случае мне действительно нужно с ним встретиться до получения техники. Невыполнимых обязательств я предпочитаю на себя не брать.

Пожав плечами, пожелала приятного аппетита и удачи любезному другу. Одарив меня одним долгим взглядом, в котором читались досада и какое-то удивленное восхищение, Николай Андреевич удалился.

Домой я вернулась в состоянии выжатого лимона. Голова шла кругом. И еще давление, что ли, упало. Есть не хотелось, хотя я не обедала; даже не было сил обрадоваться Мишкиному звонку и сообщению, что завтра он приезжает. Вместо этого подумалось: «Надо было сегодня по ресторанам ходить, завтра это будет еще проблемнее». Накормив кошку, пошарила по Сети. Спам и флуд. У нумизматов интересная выставка намечается. Надо сходить. Едва легла, Варька тут же пристроилась под боком, мурча в ухо. Скучает по тем временам, когда мы с ней вдвоем спали. Мишка-то ее гоняет, и она отвечает взаимной неприязнью — боится, но не любит категорически.

Свалив с утра бюджет, я не удержалась и заехала в «Мир мехов». Висит, моя дорогая, ждет. Да идет оно все, пляшет! Я ее хочу? Да! Деньги при мне? Да! Мерила я эту шубу уже три раза!..

Пушистое чудо в фирменном пакете резко подняло настроение. Согрело душу, так сказать. А если точнее — остудило в лютую жару. Вот какая полезная вещь шуба! Только домой я ее, пожалуй, не понесу. Пусть полежит на работе. У меня есть диванчик, и в нем пусто. А осенью Мишка мне все простит. Ну да, в годовщину-то свадьбы.

К библиотеке я подходила, буквально светясь от счастья. Все-таки жизнь прекрасна. Так-так, а это что за явление? У парадного подъезда красовалось авто. Только идиот может припарковаться в этом месте. Потому что буквально в десятке метров для особо шустрых стоит запрещающий знак. Тут вообще проезжая часть. И одностороннее движение. И полиции как собак нерезаных. Ой мамочка! Не комиссия ли пожаловала? Эти могут. А что же мне никто не звонит? Покосившись на диковинную машину, водитель которой, кстати, сидел на месте (заметив мой недоуменный взгляд, улыбнулся и склонил голову в приветствии — вот нахал-то!), поспешила внутрь. Возникло жуткое желание вызвать ГИБДД. Одно останавливало — людям, едущим на ТАКИХ машинах, парковка в запрещенном месте даже в штраф не выльется, скорее всего. Я и не по-

дозревала, что в нашем городе водятся «роллс-ройсы». А то, что это он, — однозначно. У Сашки в детстве модель была, черненькая такая. Один к сорока трем.

Внутри было еще чудесатее. Необычное оживление, все куда-то спешат, а неподалеку от нашей охраны маячат двое в штатском.

— Что тут у нас происходит? — обратилась я к Илье, сегодняшнему старшему смены.

— Ой, Мария Анатольевна! — вскочил тот. — Технику привезли от спонсоров. А мы до вас дозвониться не можем.

— А это кто? — глазами показала я на парочку чужаков.

— Так охрана. Вроде сам хозяин пожаловал. С этим... который вчера еще был вечером.

— С Николаем Андреевичем? — ахнула я.

Ай да господин Иванов! Всякое я видала, но чтобы так...

— Вы тут будьте... осторожнее, Илья. Мало ли что. Они ж наверняка при оружии.

— Так мы вообще пускать не хотели, а...

— Конфликты нам не нужны. А господам я скажу, чтобы они в другой раз свою охрану снаружи оставляли.

Ну что, Мария Анатольевна, вперед?

Заглянув на ходу в зеркало, самой вальяжной походкой я начала подниматься по лестнице. На технику еще успею взглянуть, а гостей нехорошо заставлять ждать. Хотя червячок раздражения уже сидел внутри. Не переносу демонстрации богатства и положения в обществе. К моему удивлению, в приемной гостей не оказалось. Испуганная Юля метнулась ко мне:

— Мария Анатольевна! Как хорошо, что вы пришли. Уже два раза про вас спрашивали.

— Где они? — поинтересовалась я, раздумывая, куда бы временно заныкать пакет с шубой.

Здесь оставить? Так ведь Юлька вечно уйдет — и дверь нараспашку. А шуба, простите, четыре моих зарплаты стоит.

— Он в кабинете, — шепотом поведала она, оглядываясь на дверь. — А знакомый ваш ушел посмотреть, как технику устанавливают.

— Что?! — не удержалась я, но тут же спохватилась и тоже перешла на шепот: — Зачем ты постороннего человека пустила? У меня же там куча бумаг! И вообще!

— Да как бы я их не пустила? Николай Андреевич этот распоряжается как у себя дома. А второй вообще — слова не сказал, только глянул мельком, а у меня аж мурашки по спине.

Ну все, я злая! Подхватив шубу, решительно распахнула дверь. Это мой кабинет или где? То, что я увидела внутри, переходило уже всякие границы. Господин Иванов, дареный сканер ему в печенку, нахально расположился за директорским столом в директорском кресле (спешу напомнить, что в настоящее время все это как бы мое)! Градус праведного возмущения достиг предела. Будь я драконом, уже изрыгала бы огонь. И, боюсь, приветствие вышло сухим на грани откровенного недружелюбия.

— Здравствуйте, — процедила я, сверля неприятного гостя взглядом и уговаривая себя успокоиться.

«Живо собралась и прекратила рычать! Воевать тут не с кем. Вот лучше на внешность переключиться. Примечательный тип».

От господина Иванова за версту несло богатством, а в голове моментально вспыхнули слова «имиджмейкер» и почему-то «импозантный мужчина». С бородкой. Не люблю бородатых. Еще один хлыщ лощеный. Будто я их мало вижу.

— Добрый день, Мария... Анатольевна, — глухо поздоровался господин Иванов, одновременно вставая и глядя куда-то мне за спину.

Даже не смутился. Я покосилась назад — в дверном проеме промелькнула любопытная Юлькина мордашка. А в воздухе разливался какой-то нежный и тонкий, неуловимо знакомый аромат. Что же он мне напоминает? Одеколон? Цветы? Что-то крутилось в памяти, но приближающийся мужчина отвлекал от опознания запаха. Казалось, вот сейчас я вспомню, а глаза попутно отмечали происходящее. Встает. Что-то ставит на стол. Не просто что-то — фотографию в рамке, где мы с Мишкой.

«Ах ты!.. По какому, спрашивается, праву хватаешь мои личные вещи?!»

Обходит стол. Делает несколько бесшумных шагов навстречу. Звуки скрадывает ковер.

«А обувь на нем интересная — расшитые металлической нитью белые мокасины. Явно не из наших магазинов».

Молочно-белого цвета одежда. Безупречная стрелка брюк. Ремень в тон, серебряная массивная пряжка с узором. Короткие рукава рубашки открывают мускулистые руки. Ухоженные руки богатого человека — ровный загар, аккуратный маникюр. Золотой браслет часов. «Картье», не меньше. Перстни, почитай, на каждом пальце. Из-под расстегнутого ворота рубашки виднеется в серебряной ажурной оплетке шнурок —

бархат или замша. Волосы черные, с легкой проседью, стрижены по нынешней моде — отдельные пряди спускаются почти до плеч. Неявная, но все же укладка.

И глаза, неотрывно глядящие на меня. Глубокие, черные и... до боли знакомые.

«Нет-нет! Это какое-то неправильное дежавю. Не может этого быть!»

Мозг отчаянно пытался состыковать разные детали, но цельная картинка все не складывалась. Мужчина подошел, протянул руку — не для рукопожатия, а чтобы поцеловать мою, это легко отличить. Когда руку хотят пожать, свою подают не так — выше и развернутую боком. А если ладонью вверх, надо успеть вложить в нее пальцы, чтобы мужчине не пришлось ловить твою кисть. Запоздало вспомнив о несчастной шубе, попыталась спрятать пакет за собой, одновременно протягивая свободную руку. А гость почему-то перевернул ее тоже ладонью вверх, чуть замешкался, как будто всматриваясь, склонился и легко поцеловал в самую серединку.

— Рада знакомству, — решила я все же проявить светские манеры. — Господин... Иванов, так полагаю?

Вот ему прекрасная возможность представиться как следует, а мне — загладить сухость первых слов. Только спонсор, вместо того чтобы представиться, удивленно приподнял брови, чуть кашлянул и сказал фразу, которая буквально ударила меня по темечку:

— А ты... меня... не узнала?

И сразу все встало на место. Этот голос! Фигура, походка, глаза! И даже запах! Где-то здесь лежит эльфийская роза. Только один человек отвечает всем этим параметрам. Я почувствовала, что колени ослабли, на пол шмякнулся пакет с шубой, а сердце провалилось как в ведро со льдом. Или просто в прорубь. Во всяком случае, в груди стало пусто и холодно.

— Дэн?!

— Здравствуй, Маша. Вот и свиделись.

— Как... ты... живой... здесь?..

— Что же ты так побледнела? — одними губами улыбнулся он. — Я здесь. И даже живой.

В голове разом загудели обрывки фраз, которые надо бы сказать. Немеющий язык смог лишь выдать:

— А что у тебя?.. — Я показала рукой на свое лицо, как бы обводя подбородок.

Борода и усы — единственная деталь, так и не согласовавшаяся с остальным обликом. Спонсор начал говорить, а у меня

потемнело перед глазами и в ушах раскатистым эхом отдались чьи-то слова: «Сон-то был в руку. И Маринка права. А ты, Машка, полная дура-ра. Ра. Ра-а-а!» Мир схлопнулся и погас.

Резкий запах, ударивший в ноздри, заставил судорожно вздохнуть и открыть глаза. Склонившийся надо мной мужчина не немедленно поинтересовался:

— Вы меня слышите? Как самочувствие?

Что это было? Я приподняла голову. Лежу на диванчике. А вокруг подозрительно много народу. Ближе всех — о господи! — Дэн. С флакончиком нашатыря в руках. Юлька, ошарашенно глядящая на него. Николай Андреевич и зам по науке Оксана Сергеевна. Охранник Илья и какой-то мужик, судя по облику и каменной физиономии — коллега тех двоих в штатском, которых я видела внизу. Мои сотрудники с величайшим подозрением смотрят на меня, кто-то сует стакан с водой. И все разом говорят.

— Вы в порядке? — счел своим долгом спросить меня каждый.

Фраза была одна, но на разные лады. Оксана обратилась на «ты». Николай Андреевич адресовал фразу мне и Дэну. А каменнолицый мужик вообще спрашивал только его. Телохранитель, не иначе. Вон как зыркает на всех.

Бог ты мой! Я свалилась в обморок? Стыд-то какой! Отродясь со мной такого не было. Что подчиненные подумают?

— Все нормально, — не очень уверенно ответила я и попыталась принять сидячее положение.

Сделать мне этого не дали. Все дружно загалдели: «Лежите-лежите! Белая как мел», — а Дэн еще и придержал. Свободной рукой он подал какой-то знак, и его охранник (его, чей же еще) профессионально начал теснить народ к дверям. Илья, возмущенный таким обращением, уперся и громко обратился ко мне:

— Мария Анатольевна! Может, вам «скорую» вызвать? Или еще что? — показал он глазами на Дэна. Мол, может, и милицию за компанию?

— Спасибо, Илья. Не надо. Все в порядке.

Ой, вовсе я не уверена, что все в порядке. Но пусть народ уже разоидется. А то как на выставке себя чувствую.

Через минуту мы остались в кабинете наедине с Дэном. Склонив голову, он смотрел на меня, потом неожиданно весело усмехнулся:

— Я вижу, годы были прожиты не зря, ты научилась падать в обморок в самый подходящий момент.

- И совсем не смешно, — хмуро сообщила я.
- Извини. От тебя — не ожидал. Едва успел подхватить.
- Пусти. Я хочу встать.
- В самом деле? — уточнил он.
- Да.

Дождалась, когда Дэн поднимется и пересядет в кресло, спустила ноги, приняла вертикальное положение. По шее что-то скользнуло — моя косынка оказалась развязана. И пиджак отсутствует. И босоножка только одна.

Пытаясь собраться с мыслями и сказать хоть что-то дельное, я окинула взглядом кабинет. О, а вот и цветы. Целый букет эльфийских роз, лежащий на журнальном столике. Безо всякой упаковки. Прекрасное благоухающее чудо. И как я сразу не заметила?

Двойственность ощущений вернулась и даже усилилась. Дэн. Он и не он. Тот, кого я любила больше жизни и о ком грезила годами, и господин Иванов, неприятный тип, облагодетельствовавший библиотеку. Два образа никак не хотели помещаться в одном человеке, сидящем в паре шагов. Совсем близко и бесконечно далеко от меня. Мне так много хочется у него спросить и так много нужно рассказать. И если спросить действительно хочется, то рассказывать — совсем наоборот. Как я объясню ему, кто я теперь? После того как обещала ждать всю жизнь, а хватило меня с последнего письма едва на четыре года. Нет, черт возьми, на ЧЕТЫРЕ ГОДА! С половиной. А в общей сложности до свадьбы — почти на шесть лет. Как проклятая, как дура я ждала его, не имея вестей! А он явился только теперь. Не похоже, что с войны. Не запылится, не искалечен, и скорби в глазах не заметно. Цветет и пахнет!

Господи, это же Дэн! Живой и здоровый. Я что, не рада? Пожалуй, надо что-то сказать. И он молчит. Пауза принимает уже угрожающие размеры.

Ну ты же сам пришел. Скажи хоть что-нибудь! Или будем играть в гляделки?

Я почувствовала знакомый дискомфорт в груди. Мне срочно нужен амулет. Ох, он же его узнает! Ладно, потерплю немного, но как только представится возможность, сразу надену.

Я огляделась в поисках сумочки. Заметив мои телодвижения, Дэн поинтересовался:

— Что-то потеряла?

— Да, сумочку, у меня там... — с облегчением уцепилась я за возможность что-то сказать.

Какой-никакой, но все же разговор. Господи, да что же он так смотрит-то? Медленно, деловито, оценивающе скользит взглядом... Ой, туда смотреть не надо. По стопе прошла нервическая дрожь.

Спешно поджав босую ногу, заглянула за диванчик. Ого! Да тут все летало, не иначе. Попыталась представить себе эту картинку. Блин, комедия положений. Она упала в обморок, он, пользуясь ситуацией, быстренько ее раздевает. Тут вваливается толпа народа. Смех за кадром. Кажется, отходняк начался. Вон уже руки ходуном ходят. Эх, помирать, так с музыкой. Раз уж из меня достойной леди не вышло, придется быть самой собой.

Вздохнув, сняла вторую босоножку. Дотянулась до пиджака. Встала, подобрала обе сумки. По шубе, кажется, потоптались. Просто замечательно! А босоножку мне подал Дэн. Взглядом он предложил ее надеть, но я, отведя глаза, протянула руку. Чувство неловкости все возрастало. Наведя порядок в первом приближении, отправилась к зеркалу. Поправляя выбившиеся из косы пряди, поймала взгляд Дэна.

— Почему ты молчишь? — первой не выдержала я.

— Смотрю на тебя. Ты расцвела. Стала настоящей красавицей. Из худенькой большеглазой девочки превратилась в очаровательную молодую женщину — элегантную, уверенную в себе. — (Тряхнуть, что ли, стариной и покраснеть?) — И порода теперь явственно видна. Как поживает твоя родословная?

Я пожала плечами:

— Поживает. Только принадлежность к российскому дворянству меня не особо вдохновляет. Так что я об этом факте не распространяюсь.

— Почему? Ведь у вас давно не преследуют потомков аристократии.

— Я бы их вообще в страну не пускала. Чтобы не позорились.

— Не понял? — приподнял брови Дэн.

— Да так. Особенности национальных балов. Приезжают на родину, чтобы шикануть в дорогом ресторане и чтобы непременно с цыганами. Что-то нет у меня желания вливаться в их ряды.

— Но ведь не все такие?

— Не все. Другие просто сами по себе. Вот и я так же.

— Ладно, об этом мы еще поговорим. Но вижу, ты и к моей аристократии принадлежать не желаешь. Княжеский перстень не носишь. И... второе кольцо?

Ну вот и подошли к самому интересному. А так мило беседовали. Незаметно зажав в руке цепочку, прошла на свое место, пригласила Дэна сесть напротив. В директорском кресле я чувствую себя уверенней. А поскольку признания мне предстоят не из легких, на диванчике я их сделать не решусь. Покосившись на предложенный офисный стул, Дэн закинул ногу на ногу и, будто издеваясь, испросил моего высочайшего соизволения остаться в кресле. Похоже, ситуация его забавляет. Ой неспроста он так нехорошо улыбается.

— Кольца нет. Я была вынуждена его продать. Княжеские перстни... думаю, их тоже нет.

Лицо Дэна не дрогнуло, но глаза чуть сузились. Поэтому я решила объяснить:

— Прости, ситуация была безвыходной. Отцу требовалась срочная операция на сердце. Такие только за границей делают. И стоит это бешеных денег. Сашка еще доучивался, сам папа не работал. Родственники насобирали половину суммы. Нужно было принимать какое-то решение. И тогда я сняла кольцо. Через три дня оно вернуло свой настоящий облик, превратившись в перстень.

Чего мне стоило решиться на это! Отдать кольцо, которое Дэн сам надел мне на палец. Но ведь он бы понял?

Я взглянула ему в глаза. Осуждает?

— И как он? — озабоченно поинтересовался Дэн.

— Кто? — не поняла я.

Он что, не расслышал, что перстень продан?

— Отец.

— Более или менее.

— Я бы хотел его навестить. Возможно, удастся чем-то помочь.

— Правда?

— Возможно. Ничего обещать не могу. Все же хирургическое вмешательство. Я ему еще тогда говорил, что нужно побережь здоровье. А сейчас у меня к нему неотложное дело, заодно посмотрю, можно ли чем-то помочь.

— Дело? Какое дело? — удивилась я.

— По поводу княжества. Нужно обсудить некоторые детали. Кстати, ты не сказала, что с княжескими перстнями.

— Могу лишь догадываться, что они тоже проданы. В первое же лето я увезла все бумаги и перстни к отцу и с тех пор не видела их. Когда мы собирали деньги ему на операцию, я спрашивала про них, но он категорически отказался говорить на тему продажи. А потом мы покупали квартиру, и он прислал

крупную сумму, сказал, что это... — Я осеклась, потому что чуть не проговорилась.

Речь тогда шла о свадебном подарке нам с Мишкой, хотя после свадьбы прошло где-то с полгода. Эти деньги пришлось как нельзя кстати. Отец отказался объяснять, откуда взял треть стоимости квартиры. И я для себя решила, что он продал-таки те перстни.

— И что же он сказал? — любопытствовал Дэн.

Я почувствовала, что краска неудержимо заливает мои щеки. Уши уже горят, благо волосы их прикрывают. Подняла руку, медленно потерла лоб. Сразу сообщить? Или ответить нечто невразумительное? Терпеть не могу мямлить.

— Почему ты замолчала? — с подозрением, как мне показалось, спросил Дэн.

О, шикарная пауза, выдержанная мной, могла бы войти в анналы театрального искусства. И еще более эффектными вышли короткий стук в дверь и просунувшаяся вслед за ним Юлька:

— Мария Анатольевна, вас тут муж спрашивает. Что сказать?

Ну вот, и мямлить не пришлось. Стараясь не смотреть в сторону Дэна, я ответила:

— Скажи, что я занята. Как освобожусь, сама ему перезвоню.

Пожалуй, еще одна пауза будет лишней, поэтому я все же рискнула поднять глаза. Дэн все так же спокойно смотрел на меня. Меня это не столько удивило, сколько разозлило. С вызовом вздернув подбородок, я спросила:

— И что ты молчишь?

— Жду продолжения твоего рассказа, — пожал он плечами. Ах тебе типа все равно? Что ж, расскажу.

— Он прислал нам деньги в качестве свадебного подарка. Мне и...

— Твоему мужу Михаилу Орлову, — издевательски закончил Дэн, любуясь моим ошарашенным видом. — А ты полагаешь, что мне неизвестно о твоём замужестве?

— Николай Андреевич? — обреченно предположила я.

— Ну что ты. Это был совсем другой человек. В другом месте и в другое время. И он едва не поплатился жизнью за свое сообщение.

— Давно?

— Осенью будет четыре года.

Вот тут я взорвалась:

— Так ты знал?! Знал и ничего не сделал, чтобы остановить меня!

На какой-то миг лицо Дэна ожило: в глазах зажглись огоньки, а на скулах вздулись желваки. Волна гнева ударила меня почти физически. Но уже через секунду он откинулся на спинку кресла, поправил ворот рубашки и тихо, с нажимом отчеканил:

— Поздновато обмениваться обвинениями, тебе не кажется?

И меня будто водой окатило. Чего я разоряюсь? Сразу вспомнилось, что я уже давно смирилась со своей потерей и научилась жить без него. А версия, что он просто забил на меня, неоднократно рассматривалась наравне с прочими. Мишка был прав, и очень жаль, что я так долго упиралась. Что ж, спасибо за очистку моей совести, Дэн. Хоть на это ты сгодился. Сразу в груди успокоилось, и течение Силы прекратилось... чтобы через минуту возобновиться. Потому что он вдруг встал, стремительно приблизился к столу, уперся в него руками и склонился ко мне, уставившись своими черными, со всполохами синего огня глазами:

— Я не знал! Мне сообщили о свершившемся факте спустя три недели после твоей свадьбы. Война закончилась. Представители всех человеческих государств собрались у меня в столице, чтобы вместе отпраздновать победу. Шли переговоры, каждый день я принимал все новые вассальные клятвы. Пользуясь моментом, собирался объявить о намерении жениться. В те дни не нашлось бы человека, который осмелился бы воспротивиться моему желанию. Король Даанэль, только что выигравший страшную кровопролитную войну, мог требовать любую награду! Вот только... моя избранница оказалась замужем...

Меня спас телефонный звонок. Тихая мелодия, наполнившая кабинет, отдалась болью в сердце. Не отрывая взгляда, Дэн вытащил телефон и приложил его к уху:

— Слушаю. Да. Прекрасно. Выезжаем через пять минут. — Нажав кнопку отбоя, он продолжил уже спокойным голосом: — Этот разговор не доставляет удовольствия ни мне, ни тебе. Поэтому продолжать мы его не будем. И надень ты уже амулет, — вдруг невпопад выдал он. — Никогда не мог спокойно смотреть, как ты теряешь свою Силу.

Я перевела взгляд на свой кулак, разжала потную ладонь, на которой отпечатались звенья цепочки. Всевидящий, всезнающий король Даанэль. От тебя ничего не скроется.

— Зачем ты пришел? — не удержалась я от вопроса. — Для чего это спонсорство, разговоры...

Прежде чем ответить, он помолчал, будто раздумывая, стоит ли говорить. Потом склонил голову набок и серьезно сообщил:

— Я нахожусь в затруднительном положении. Мне нужна твоя помощь.

«Шо, опять?!» — чуть не воскликнула я, как тот волк из мультика, но вместо этого осторожно заметила:

— Ты не похож на гонимого короля.

— Полагаешь, у монарха других проблем не может быть? — мрачно усмехнулся Дэн. — Сейчас у меня неотложные дела. Встретимся вечером? Поговорим как цивилизованные люди.

— Вечером не могу, — покачала я головой.

В день Мишкиного приезда куда-то уйти? Нереально.

Дэн вздохнул:

— Понимаю. Тогда завтра днем. В обед, — добавил он, едва я раскрыла рот, чтобы напомнить, что днем работаю. — А чтобы исключить разные... случайности, за тобой заедет машина.

— Значит, деловой обед? — уточнила я.

— Да, — твердо ответил он, протягивая руку для прощания.

— Договорились.

Пожав мне руку (ой, что-то мне это напомнило; заключать с ним договоры надо очень осторожно — он их блюдет сам и требует неукоснительного выполнения от других), Дэн развернулся к выходу, но вдруг опомнился и по дороге свернул к журнальному столику. Приблизился с букетом в руках:

— Это тебе. Даже если ты привыкла получать цветы каждый день, таких больше никто не подарит.

Как-то странно улыбнувшись, он вышел. А я осталась, растерянно смотря на подсвеченные лучами солнца голубые бутоны. И что мне делать с этим чудом? Мишке будет достаточно одного взгляда, чтобы узнать эти цветы и сделать соответствующие выводы. Не дай бог, он поймет, что Дэн тут. Это будет страшный скандал. А разборки чреватые печальными последствиями. Причем не сомневаюсь, кто будет пострадавшей стороной. Король тогда-то с недругами не церемонился, а теперь он у руля и, значит, намного опасней. Так что моя задача — выяснить, чего ему надо, и определиться, могу ли чем-то помочь. Если да — сделать это по-быстрому и тихо, если нет — аккуратно, очень аккуратно отказать. И постараться, чтобы Дэн в библиотеке больше не отсвечивал. Поговорить со свидетелями

моего обморока, убедить, что это была досадная случайность и господин Иванов тут совершенно ни при чем. И самое неприятное — попросить Дэна не создавать мне проблем. Не сомневаюсь, что при желании он может организовать мне веселенькую жизнь. Правда, пока не похоже, что это является его целью. Иначе он бы по-другому со мной говорил.

До конца рабочего дня я проходила с цепочкой. Чувствовала, что Сила рвется из груди. А ведь приеду домой — придется ее снять.

Работа никак не шла в голову. Я уж и с начальством по телефону громко поговорила, и по отделам прошлась, везде сунув свой нос, и на новую технику полюбовалась, а все не могла отогнать мысли о сегодняшней встрече. Как же жизнь любит издеваться над нами! Мало того что появился Дэн, которого я так долго и так мучительно старалась забыть, так еще и сообщил такое, отчего впору пойти и утопиться. Три недели... насмешка судьбы! Стоило гореть в аду собственных чувств больше пяти лет, чтобы разминуться на три недели. Он, конечно, полон благородства и великодушия, претензии предъявлять не намерен, но уязвить меня побольнее не преминул. Оскорбленное самолюбие монарха — опасная вещь. Зачем ты пришел, Дэн? Так поздно, совершенно бессмысленно... всколыхнув в душе все, что я давно похоронила! Время назад не отматаешь, и мою изодранную в клочья душу не вернешь в прежний вид. Нет больше Маши Соколовой, и воскрешать ее — упаси меня боже!

Юлька была тут как тут — возбужденная, возмущенная и любопытная, что та лисичка. Не терпелось ей поделиться увиденным. Мое счастье, что звонки ее не отпустили с места, а то ведь по всей библиотеке разнесла бы. Очень ее интересовало, что же такого произошло в кабинете, что я хлопнулась в обморок. Когда она вошла, не дождавшись ответа на стук, глазам ее предстала очень любопытная картина: бережно сгружающий меня на диванчик господин Иванов, на ходу причитающий отнюдь не по-русски. Не успела она и рта раскрыть, как сзади ее подтолкнул невесть откуда взявшийся мужик — тот самый телохранитель. Господин спонсор что-то коротко сказал ему, и тот, поклонившись (!), совершенно по-хамски обозвал Юльку дурой, велел найти нашатырь и выставил из кабинета.

— Знаете, как он сказал? — таинственным шепотом поведала она, озадаченно и обиженно глядя на меня. — «Что стоишь, дура! Видишь, с госпожой плохо! Бегом за нюхательной солью!»

Многозначительно приподняв брови, Юля ждала моей реакции. Хмыкнув, я поделилась с ней откровением, что некоторые люди холопами уже рождаются, так что удивляться их поведению не стоит. Вроде поверила. Но про себя я крепко задумалась. Неужто тот мужик прибыл вместе с Дэном из его мира? Расспросить, что ли, аккуратно Николая Андреевича, что ему известно о господине Иванове? Что-то он там говорил, что компания несколько лет на местном рынке. Как прикажете это понимать?

Но на этом Юлька не успокоилась. Придвинувшись вплотную, она все же задала коронный вопрос:

— А вы что, знакомы с этим господином Ивановым?

— С чего ты взяла? — «удивилась» я и осторожно поставила чашечку с чаем на стол. Чуть не расплескала.

— А он вас по имени называл. И вообще... у него такое лицо было, когда он над вами хлопотал...

— Ну так с испугу, надо думать. Не каждый день небось библиотекарши ему на руки падают. Мы вообще только поздороваться и успели да парой фраз перекинуться. Я же с жары пришла. И в кабинете вечно духовка.

— Ой, забыла! — вскочила Юлька.

Через минуту вернулась, принеся мой вентилятор:

— Вот. Библиографы обратно отдали, довели, говорят, человека. В обмороки падает. У вас тут и правда... — Юля замолчала и уставилась на кондиционер.

Тот работал как ни в чем не бывало. Режим, правда, был выставлен слабенький, так что почти и не дуло. Но, поиграв с пультом, мы убедились, что все исправно. Чудеса в решете.

До утра я так и не сомкнула глаз. Мишка давно спал, прихватив меня себе под бок. Сначала мне стало жарко, и я потихоньку, чтобы не разбудить, пыталась выбраться из-под его руки. Тихая тянущая боль в груди не убывала. Я уж и растирала, и пыталась сконцентрироваться — иногда помогает, — но все было напрасно. Сон не шел. Оставалось вертеться с боку на бок и проклинать свой неправильный дар: вот других усыплять получается, а себя — никак.

Перед глазами вновь и вновь прокручивались картинки сегодняшней встречи. Что только не промелькнуло в эти ночные часы: от мысли, что от судьбы не уйдешь и не случайно Дэново возвращение, до твердого намерения высказать ему завтра все, что накопилось за много лет, после чего гордо удалиться, что-

бы больше в жизни не видеть. Усталые глаза щипало от бессонницы, а мозг никак не мог отключиться.

Потом заворочались щемящие воспоминания тех давних лет. Мужчина, покоровший мое сердце едва ли не с первого взгляда. Наши дни и ночи. Много теперь казалось глупым и стыдным. Как это мы умудрились не перейти границ? Его заслуга, конечно. Если бы он захотел, я бы и сопротивляться не стала. Это даже Мишка признал с невольным уважением, когда вдруг оказалось, что он у меня первый. В двадцать три-то года! Вспомнился Нэль, невольно вызвав улыбку. Тот непосредственный веселый мальчишка, существует ли он еще? Спросить, что ли, завтра. Нет, не буду. Как-то это неудобно. Еще подумает, что мне не безразлично. А я же так, по старой памяти.

Но боже мой, неужели я могла так чувствовать? Все то, что было девять с половиной лет назад, и после, когда я мысли не допускала, что мы расстались навсегда, — это и было той самой любовью? Той, которую воспевают в стихах и песнях. О которой мечтают, над которой плачут. Все это было со мной? Да нужно ли оно человеку? Краткое счастье и годы мучений и раскаяния? Вот Мишка, которого я люблю. Не той пылкой страстью, от которой едва не сгорела. А тихой, ровной любовью, когда вместе все спорится и знаешь все его привычки; когда нет ссор, потому что глупо ругаться, если прямо в лицо можешь высказать свое недовольство и он непременно обратит его в шутку. Он не тот, по кому трепещет и болит сердце, он свой, родной человек. И жизнь без него немислима. Как без любого из членов моей семьи — мамы или папы, Сашки, Юрки или Наташки. Жалко, что мне потребовалось так много времени, чтобы понять эту простую истину. А Дэн... я не хочу о нем думать и, честно говоря, побаиваюсь...

Больше всего я старалась не думать о войне. Гнала эту мысль, предпочитая ей любые другие, о чем угодно, лишь бы не о том, что я сама сгубила свою любовь. Он воевал и надеялся, что его ждут, а я... Не хочу быть виноватой! Когда он любил по-настоящему, то все мог — и отправить людей, и добыть редкий цветок для меня. Так что же, за следующие четыре года не представилось ни одной возможности передать мне весточку? Хоть одну, хоть из двух строк, и я бы знала, что ждать стоит. Что жив еще тот человек, ради которого я пропускаю время сквозь пальцы, не жалея ушедших лет. А вдруг Дэйтон погиб?

И не нашлось другого человека, которому он бы смог довериться? Опять же цветок-то завял...

Стоп! Все случилось как случилось. И завтра (ах нет, уже совсем сегодня, вон и солнце встает) я с ним спокойно встречусь, спокойно выслушаю, и он не должен догадаться, чего мне это стоит.

Глава 3 ДЕЛОВОЙ ОБЕД

«Черт бы побрал этих королей! Этого конкретного!» — думала я, разглядывая в зеркале круги под глазами. Бессонная ночь оставила следы на самом видном месте. Не девочка уже. Впрочем, в восемнадцать мне было все равно, как я выгляжу. Тот год вообще подернут туманной дымкой забвения. Картинок почти нет. Первый, самый острый на переживания период. И все из-за кого, а? Подумать только! Но сейчас-то он не дожидается от меня такого... а цепочку все же надену. Чтобы позориться не пришлось, выполняя его указания.

— «Надень амулет», — передразнила я его себе под нос.

Коз... король, блин! Придется постараться, чтобы хоть в глаза не бросалось. Не люблю тональный крем, особенно летом, когда жарко, но сегодня без него не выйдешь.

Мишку будить не стала. И так внутри все дрожит, а он еще пристанет, мол, чего это я битый час у зеркала верчусь. Ну что надеть?!

С обреченным вздохом в сотый раз окинула взглядом содержимое шкафа. Как нарочно, ничегошеньки нового нет. Мало того что кредиты эти вечные, так еще на шубу последние деньги спустила. А если припомнить вечно недовольную гримасу Дэна и его высказывания на тему нашей моды, то вообще караул. Правда, вчера он ни словом не обмолвился. А может, уже рассмотрел как следует, в чем по жаре девушки щеголяют? Я невольно улыбнулась, представив его глаза при виде прохожих. В прошлый раз судьба была к нему благосклонна и студенток он видел в зимнем варианте. На этот раз его величество имеет все шансы узнать, насколько можно обнажить свое тело и при этом спокойно ходить по улицам. Хихикс.

Надевать пиджак с юбкой жутко не хочется. Во-первых, жарко, во-вторых — чтобы он на мои коленки пялился? Нет уж! Вчера, помнится, очень внимательно рассматривал с голо-

вы до пят. Брюки и блузка? Это ближе к теме, но, блин, блузки уже все приелись. А закрытых туфель он от меня не дожидается! Да, педикюр, и что? Нет, надо, чтобы все строго, но было удобно мне, а как там оно ему покажется, меня не волнует...

«Маша, тебя только могила исправит», — сердито думала я час спустя, в очередной раз накидывая ляпочку сарафана на плечо. Надо же было в результате долгих раздумий выбрать это платье — совершенно неудобное, зато мужскому взору раздолье. Каким-то хитрым образом я, уже одевшись, умудрилась враз передумать и достать свой вязанный крючком сарафан — в желто-зеленых тонах, сшитый из крупных подсолнухов и ромашек. Испытания на Мишке, помнится, прошли с большим успехом. Очень ему понравились дырочки между цветками. М-да, женской логикой я не обделена. Ладно, теперь уж поздно сожалеть. На самом деле платье красивое и не такое уж откровенное, ну... если собеседник не озабочен. А кто озабоченный, от того и паранджа не спасет.

И все пристойно. Длина до колена. Где надо, вязка достаточно плотная, а на обнаженных плечах ажурное болеро, связанное в комплект. Зато другого такого в городе нет. Не зря на него всю зиму убила. Имею я право хоть раз за лето прийти на работу в вольном наряде? И что с того, что директор?.. Даже не директор, так, и.о. царя. Опять же, никаких инстанций на сегодня не планируется, а в кабинете меня только сотрудники увидят...

А вот это точно комиссия. Что называется, не повезло. Так. Где-то у меня пиджак висел с зимы. Только он в бывшем кабинете остался. Значит, бегом в подвал; пока они выгружаются, успею стонять. Заодно и цветочки проведу. Вчера я их девчонкам в свой отдел сплвила, наказав беречь спонсорский экзотический букет. На вопросы о названии этой красоты пожалала плечами и пообещала спросить при встрече.

Так, цветы — живые, пиджак — на месте, молью не потрачен. Переделась, вежливую улыбочку на лицо — и вперед, встречать дорогих гостей.

В составе комиссии был Николай Андреевич. Вы-то мне, любезный друг, и нужны. Как бы вас на разговорчик заполучить?

Пока суть да дело, осмотрели помещения и выставку книг, приняли замечания...

— Убрать те цветы, что за ужасные горшки, нормальных купить не могли?

— А где же знаменитый портрет, который поэт Державин владельцу особняка подарил? На нем еще вид города изображен — такой раритет на праздник обязательно нужно показать! Почему не достали из запасников?

— Бог с вами, он же не у нас, а в Художественном музее хранится, кто его нам отдаст? Тем более что у них у самих выставка, наверняка он там будет.

— Исторические вещи должны храниться на своих местах!

Не поняла юмора, это мне предлагается срочно отсудить картину у музея? Когда вы говорите, Георгий Иванович, такое ощущение, что бредите.

В общем, время пролетело незаметно и где-то даже забавно. Едва я сплывала высокое начальство, проводив, как полагается, до крыльца и дальше, Николай Андреевич из своей машины показал на часы:

— У вас встреча.

Ох ё! Это что, уже обед? Мне же настроиться надо!

— Мария Анатольевна, давайте постараемся сегодня без эксцессов. Садитесь, поехали.

— Интересное дело. Будто я тут прохлаждаюсь. Мне переодеться надо, сумочку взять. И потом, господин спонсор машину обещал.

— А это вам не машина? — Николай Андреевич обвел рукой пространство вокруг себя.

— Так он вас отправил? — удивилась я и многообещающе улыбнулась вслед. Надеюсь, ехать нам долго, и я постараюсь вытянуть из любезного друга максимум информации. — На ловца и зверь бежит.

— Это вы о чем? — насторожился он.

— Сейчас узнаете. Пять минут, и я в вашем распоряжении.

Не поеду я в пиджаке поверх платья. Добралась до кабинета, скинула пиджак на кресло. А болеро-то в подвале осталось. Нет, не побегу, так обойдусь.

Причесалась, подкрасила губы, придирчиво осмотрела себя в зеркале. Красота? Красота, и еще какая! А тени... мало ли от чего у меня тени под глазами. Муж спать не давал. И пусть кое-кто лопнет от зависти. Хм... а вдруг ему и завидовать не надо? И он сейчас припрется на встречу со своей королевой. В качестве маленькой мести и вообще. Кто знает, какого рода проблемы бывают у королей?

Интересно, насколько Николай Андреевич представляет, с кем на самом деле свел меня вчера? Вот сейчас и выясню.

— Куда мы едем? — спросила я, усаживаясь в машину.

Как же приятно, когда тебе мужчина дверцу открывает. Не ответив, Николай Андреевич окинул меня заинтересованным взглядом и сделал комплимент:

— Вы сегодня прекрасно выглядите.

— Спасибо, — улыбнулась я. — Надеюсь, хм... господин спонсор тоже оценит.

— Значит, это правда. Вы действительно знакомы?

Так. Это уже занято.

— Значит, кое о чем вы осведомлены. И что он вам сказал?

— По поводу чего?

А вот это плохо. Когда Николай Андреевич включает дурочку, дело пахнет керосином. В последний раз подобное было перед увольнением Ольги Васильевны. Тогда он на мой вопрос, что это в последнее время с нашим директором, смотрел такими же ясными глазками. Знает что-то дорогой друг и очень не хочет говорить. Уж извините, но мне сейчас прояснить свои дела важнее, чем проявлять тактичность. А по-сему...

— По поводу нашего знакомства, — любезно уточнила я и, подумав, добавила: — Что вы вообще знаете об этом человеке?

— Достаточно, чтобы дать совет: не играйте с ним.

Ах, даже так?

— И давно вы... — начала было я.

Телефоны зазвонили практически одновременно. Мне звонил Мишка, кто Николаю Андреевичу — не знаю. Мой благоверный распекал меня за то, что сбежала утром, не разбудив его, и требовал сатисфакции. Ну кто, скажите, придумал отгулы после командировки? Мишка безапелляционно заявил, что он в городе и сейчас заедет за мной, чтобы вместе пообедать. Чертыхнувшись, я припомнила, что сказала на работе, мол, ухожу по делам, буду после обеда. Чтобы сильно не наврать, ту же версию озвучила ревнивому супругу:

— Не получится. Я не в библиотеке. Перед праздниками столько дел, зашиваюсь. Миш, давай пойдем куда-нибудь вечером?

Его ответ цитировать не буду. Ибо неприлично. Я даже динамику рукой прикрыла, чтобы Николай Андреевич ненароком не услышал. Впрочем, смотрел он на меня все равно иронично-подозрительно — я ж внаглую при нем соврала мужу. А нет, надо было сказать правду, что я с одним мужчиной еду к еще одному, да какому! Чтобы потом огребать?

Не успела я вернуть разговор в старое русло, как мы подъехали к роскошному, недавно выстроенному зданию гостиницы «Европа». Новый ресторан на первом этаже уже прославился своими ценами, поэтому раньше мне не довелось побывать в нем. Ну вот, сбылись мечты идиота. И теперь уж ясно — с финансами у Дэна проблем нет. Если он тут же и живет — королевская казна, значит, при нем.

Глянув в зеркало, я обратила внимание, что следом за нами на парковку зарулил черный джип. Все бы ничего, но хоть убейте меня — он следовал за нами всю дорогу, выехав из двора за библиотекой. Голливуду привет.

— Николай Андреевич, — заколебалась я перед выходом, — вы в этой машине ничего странного не находите? Она за нами ехала.

И приготовилась, что он сейчас посмотрит на меня как на дуру. После его ответа душой я себя действительно почувствовала. А кроме того, меня накрыло волной беспокойства на грани страха.

— Это наше сопровождение. Охрана. Не обращайтесь внимания.

Действительно, Маша. Эка невидаль — охрана? Николай Андреевич резко перешел в моих глазах на новую ступень бытия.

Двое молодцев, ненароком пристроившихся в нескольких шагах впереди и позади, поразительно напомнили мне конвой из недавно просмотренного фильма. Они нас охраняют (от кого, интересно?) или следят, чтобы я чего не выкинула?

Я встала на месте, недоуменно глядя на творящиеся вокруг чудеса, и тогда любезный друг решил меня добить:

— Идемте же, его величество вас ждет, — изрек он, протягивая руку.

— Как «величество»? — глупо хлопнула я глазами, но произвольно пошла следом. Старая картина мира стремительно рушилась, а новая еще не нарисовалась. И это рождало странные ощущения. Мне почудился вселенский заговор вокруг моей персоны, и в голове пронеслось несколько версий, одна страшнее другой. — Вы и об этом осведомлены?

Николай Андреевич приостановился с выражением величайшей досады на лице. Я тоже остановилась. Идти на встречу почему-то резко расхотелось. Не нравится мне все это. Шагнув ближе, чиновник деликатно ухватил меня под локоток и решительно направился к дверям:

— Вы в курсе, я в курсе... потом у нас будет время, чтобы все обсудить. Но сейчас давайте уже доберемся до места назначения.

А сам прошел через отделанный мрамором холл, и вход в ресторан остался позади. Шагающий впереди охранник зарулил к стойке портье, перемолвился с персоналом парой фраз, и нам любезно указали на дверь лифта. Погодите-ка!

— Николай Андреевич! Разве мы не на обед в ресторане?! — спохватилась я.

— Разумеется, на обед, но в номере. Его величество ждет вас наверху.

«В номера!.. Поедьте в номера!» — пронесся в голове голос Кисы Воробьянинова. Неужели меня банально сняли, а я и не заметила? Аккуратно высвободив руку, отступила от лифта:

— Никаких номеров в нашем договоре не было. Надо ему, пусть спускается. Я буду ждать здесь.

Развернувшись, буквально уперлась в бесстрастного охранника. Про тебя-то, родной, я и забыла.

— Мария Анатольевна, — натянуто улыбнулся Николай Андреевич, указывая на растворившиеся двери, за которыми маячил гостиничный служащий, — уверяю вас, ничего предосудительного. Конфиденциальные встречи он всегда проводит в закрытых помещениях.

Вот как раз этого мне хотелось бы избежать. Ну, любезный друг, эту подставу я вам припомню! Вздернув подбородок, шагнула навстречу судьбе. Кто-то наверху сейчас услышит пару ласковых. А если что — знаете, как я орать умею?! Вся гостиница сбежится.

Вопреки моим ожиданиям вышли мы не в коридор, а в большой холл. Я даже не сразу сообразила, что тут уже начинается номер. Неужели на всем этаже нет посторонних? Охранник и лифтер, упорно пытающийся не замечать наших напряженных переглядываний, с нами не вышли. Одним охранником меньше — слава богу.

— Николай Андреевич! — еле сдерживаясь, прошептала я, едва мы остались одни. — А теперь вкратце введите меня в курс дела! Какие еще сюрпризы ожидают меня в этих апартаментах?

— Ради всего святого, потише! — умоляюще прошептал он в ответ. — Его величество здесь, за одной из этих дверей. Он предупрежден о нашем прибытии и сейчас выйдет.

— О! Разумеется! Как я об этом не подумала? А где тронный зал? И вот еще — поклоны бить земные или как? — ядовито поинтересовалась я.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА	8
Часть вторая. ШАГ ЗА ГОРИЗОНТ	190
<i>Эпилог</i>	437